

Д. В. КОНКИН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ «ОТКРЫТИЯ»
АКАДЕМИКА П. С. ПАЛЛАСА В КРЫМУ: «ДЕФЕКТ ОПИСАНИЯ»¹**

Для правительства Российской империи присоединенный в 1783 г. Крымский полуостров стал своеобразной «терра инкогнита». Проявлялось данное обстоятельство не только в буквальном отсутствии точной гидро- и картографии полуострова, но и в пробелах знаний во многих других научных отраслях: истории, географии, геологии, ботанике, зоологии, метеорологии и т.д. Эти сведения имели исключительно важное значение для использования в прикладной сфере, для формирования правительственной стратегии по экономико-политическому преобразованию Крыма. Поэтому логичными шагами имперской власти стали мероприятия, направленные на исследование новоприобретенного края.

Пожалуй, наиболее известным и авторитетным исследователем, который непосредственно находился в Крыму в рассматриваемый период с целью его изучения, можно назвать академика Петра Симона Палласа (1741-1811). Он стал автором знаменитого описания полуострова (краткой и расширенной версии), неоднократно переиздававшегося на русском, французском, немецком, английском языках и завоевавших большую популярность в России и за рубежом. Первоначальная его работа о Крыме была опубликована за счет российской казны в Санкт-Петербурге, что позволяет говорить о прямой заинтересованности государства и ведущих российских чиновников в появлении подобных изданий и распространении их, прежде всего, среди отечественной публики. В то же время многочисленные иностранные реплики описания свидетельствовали об интересе европейского читателя к такой литературе.

Российское правительство было озабочено заселением обезлюдевшего в результате многочисленных бедствий края экономически активным населением. Переселенческая программа являлась краеугольным камнем всей внутренней политики, проводимой в Новороссии (см. «План о раздаче в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению» [18, т. 16, № 12099, с. 663-667; 5, с. 58-62; 22, р. 109-117]). Наряду с многочисленными экономическими льготами и преференциями, создание позитивного образа незаселенных территорий традиционно являлось одним из ключевых инструментов агитационной практики правительства по привлечению туда не только российских переселенцев, но и иностранных колонистов [см.: 16, с. 227-340; 4, с. 213-214, 221; 19, с. 208; 17, с. 44-55]. Формирование и распространение благоприятного имиджа о привлекательных и многообещающих условиях хозяйственной жизни в Крыму было важно и для Новороссийских правителей «екатерининских времен» Г. А. Потемкина и П. А. Зубова. Не случайно оба фаворита императрицы Екатерины II оказались причастны к появлению позитивных

крымских описаний, материально поощряли их авторов (К. И. Габлица и П. С. Палласа, соответственно).

Конечно, широкоизвестные работы Палласа о Крыме огромное количество раз были задействованы в научной, научно-популярной, краеведческой литературе, посвященной самым разным отраслям знаний («палласоведческая» литература в целом насчитывает сотни наименований [см.: 1, с. 133-157; 13, с. 259-264; 21, с. 163-168]). Но в данном случае хотелось бы взглянуть на его описания с точки зрения их практического применения и пользы для экономики региона в начальный период интеграции полуострова в общероссийское пространство. И в таком разрезе становится очевиден заложенный в них «дефект описания», когда общие первоначальные эмоционально окрашенные восторженные отклики о южнобережных красотах, плодородии крымских земель, блестящем экономическом потенциале края не учитывали или же затмевали объективные трудности в практическом использовании природных богатств полуострова.

Экспедиция Палласа в южные районы России состоялась в 1793-1794 гг. Крым он подробно изучал весной 1794 г. [3, с. 126; 20, с. 353-355]. А уже в 1795 г. исследователь отдельной книгой на французском языке издает в Санкт-Петербурге под эгидой Академии наук предварительное описание своего путешествия [23], в том же году получившее и русскоязычное воплощение [14]. Видимо, с учетом повышенного интереса к публикации в 1796 г. появляются еще один французский и немецкий варианты написанного Палласом краткого физико-топографического описания Крыма, напечатанные теперь частным издателем Иоганном Логаном, с которым ученый плодотворно сотрудничал и ранее [см.: 24; 25]. Если автор вышедшего в 1785 г. «Физического описания Таврической области» К. И. Габлиц был обязан появлением своей книги о Крыме благосклонностью Потемкина, то Палласа «вдохновлял» другой знаменитый фаворит Екатерины II Платон Александрович Зубов, которому академик и посвятил свое сочинение². Зубов во многом пытался повторить путь своего предшественника и в течение 1793-1796 гг. осуществлял руководство Новороссийским краем, большое внимание уделяя развитию Крыма.

Нужно сказать, что полуостров в «Кратком описании» Палласа получил самые восторженные характеристики. Ученый смело выдавал радужные прогнозы по перспективам разведения здесь отдельных сельскохозяйственных культур и внедрению промышленных инноваций. Большая часть степного Крыма, по утверждению академика, была покрыта «отчасти суглинком», но «более черноземом», приспособлена к земледелию («исключая чрезвычайно сухие годы») «и произрастает лучшую пшеницу» [14, с. 47-48]. Лошади, верблюды и овцы находили здесь «отменно хорошие пастбища». Предгорье от засух спасали орошаемые долины рек. И хотя чернозем здесь часто был не глубок, однако в «приятнейших долинах» находились «множество садов и пастбищ» и везде можно было получить «весьма плодоносные жатвы». «Во всей части Таврической области с успехом могут быть заведены различные полезные насаждения», — считал ученый [14, с. 48-49]. Не увидел Паллас проблем с водообеспечением полуострова. По его словам, местные источники «здоровы, студены и в великом находятся изобилии», хотя и «весьма известковаты и на вкус жестки» [14, с. 50-51]. Традиционно сильный эффект произвел на исследователя южнобережный и горный Крым. Здесь находились «самые прекрасные долины», а климат

² Доброжелательное отношение со стороны Зубова, несомненно было, свидетельством чему могут служить, например, положительные решения новороссийского правителя на просьбы академика о земельных пожалованиях в Крыму, подтверждаемые соответствующими ордерами [см.: 6, с. 13; 7, с. 6; 8, с. 8; 11, с. 179-180; 20, с. 233].

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

такой же, как в Анатолии, зима в них «едва чувствительна». Долины рек и северные горные склоны «изобилуют хорошими лесами» [14, с. 52]. В южнобережных ущельях «изобильно растет» приморская сосна, которую можно пускать на доски, а горные равнины служат отличными пастбищами [14, с. 53]. В отношении «ботаники и хозяйственной части» эти земли составляли «самую важнейшую страну Таврической области, а может быть и всего государства», — отмечал Паллас [14, с. 54-55]. Он уверенно заявлял, что «в сих прекрасных долинах могут быть заведены растущие в Южной Европе и малой Азии самые полезные насаждения для блага России», называя среди них оливковые и фиговые деревья, кунжут, апельсины и лимоны и даже пробочное дерево с сахарным тростником. Впечатление от живописных красот Южного берега Крыма оказалось настолько глубоким, что в целом сдержанный и точный в своих работах ученый-естествоиспытатель на этот раз отступил от устоявшихся канонов научного описания и в нехарактерной манере допускал лирические отступления и абстрактные размышления³:

«Сии места возрождают привязанность к свету, который ужасы войны, отвратительное свойство лукавого обхождения, и роскошь, распространившаяся в больших городах вместе со свойственными великим обществам порокам делают почти несносным оставившему светские суеты просвещенному человеку... Простая жизнь добродушных нагорных татар, которые обитают в сих райских долинах, покрытые землю их хижины, ... стада козлов и небольших овец, рассеянные по бокам стоящих посреди безмолвных скал, и раздающийся между оными звук пастушечьей свирели; словом все изображает здесь золотой век природы, все вливает любовь к простой, сельской и уединенной жизни» [14, с. 58-59].

Но прошло всего несколько лет после издания первой книги, как оценка крымской действительности сильно изменилась в новом, более подробном и взвешенном крымском описании Палласа. Имеются в виду «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах», впервые опубликованные одновременно на немецком и французском языках в Лейпциге: в 1799 г. — первый том, а в 1801 г. — том второй, собственно, посвященный описанию полуострова [26; 27]. Эта книга впоследствии неоднократно переиздавалась на немецком, французском и английском языках и, несомненно, оказала сильнейшее влияние на восприятие Крыма европейцами [15, с. 16]. В новом описании у автора исчез первоначальный безудержный восторг от увиденного. Паллас ко времени выхода второго тома уже несколько лет являлся крымским помещиком и успел на собственном опыте испытать все практические трудности жизни в Таврической области, бытовые, хозяйственные, юридические проблемы, связанные с интеграцией полуострова в состав Российской империи.

Теперь он указывал на серьезные сложности в процессе намеченных преобразований. Среди основных — это неумелое местное население. «Добродушные нагорные татары» превратились теперь у него в «неспособных», «ленивых» и «очень опасных», склонных больше «к уничтожению, чем к насаждению растений...» жителей [15, с. 115-116; см. также: с. 148-149, 153, 155-156]. Другой причиной, препятствовавшей «процветанию Крыма», являлось распределение «лучших казенных земель» не проживавшим там владельцам или же малосостоятельным помещикам, не имевшим возможности или желания к значительным вложениям в развитие собственных хозяйств. Но «особенно важной причиной, не дающей возможности

развитию благосостояния в этой стране» стала неопределенность в праве собственности, имущественные конфликты, возникшие между новоприбывшими помещиками и местным населением [15, с. 156]. Паллас знал о чем говорил, поскольку имел личный печальный опыт долгих и тяжелых судебных тяжб с крымскими татарами, обвинявшими его в захвате общественных земель [см.: 11, с. 199-239; 20, с. 235-237].

Академик указывал на непростые, как теперь выяснилось, природные условия, осложнявшие быстрое и успешное развитие хозяйства, корректировал или дополнял свои предыдущие высказывания. Так, в раннем «Кратком описании» Паллас ничего не говорил о климате. В «Наблюдениях» же он отмечал непостоянство крымской погоды. Суровые зимы (1798-1799 и 1799-1800 гг.), чрезвычайно жаркие засушливые летние месяцы, опасный по причине смертельных лихорадок осенний период теперь неприятно поразили исследователя. Отметим, что упоминавшийся выше Габлиц, рекламируя Крым в своем «Физическом описании», отмечал, что местный климат обладал «всеми лучшими свойствами, каких только ... ожидать можно» [2, с. 60]. Ранее Паллас в описании 1795 г. сообщал, что большая часть степного Крыма покрыта черноземом, в новом издании Северный Крым изображен уже с несколько иным качеством почвы: «большой частью верхний ее слой песчаный ... или же песок перемешан с глиною» [цит. по: 20, с. 211]. Отмечая в целом отличные перспективы возделывания винограда в Крыму, особенно в Судакской и Козской долинах, Паллас в издании 1801 г. обращал внимание на определенные сложности в развитии данной отрасли: это и погодные условия, которые вынуждали местных жителей в предгорьях прикапывать виноградные кусты на зиму; и дороговизна наемных рабочих, вследствие малого количества населения в Крыму; и конкуренция дешевых молдавских вин; и многочисленные вредные насекомые. Все перечисленные обстоятельства негативно влияли на развитие виноградарства на полуострове, и преодоление их требовало большого внимания и значительных вложений со стороны властей [15, с. 169, 178-182]. Такое понимание было обретено ученым только после круглогодичного пребывания в Крыму в течение нескольких лет подряд.

С плодовыми деревьями также оказалось не все так благоприятно, как изображали ученый в своем раннем описании. Паллас теперь сетовал, что «из 3-4-х лет выдается только один урожайный год», так как часто случалась теплая весна, которая вызывала раннее цветение, а наступавшие затем морозы и частые морские туманы «уничтожают всякую надежду на хороший урожай» [15, с. 183]. К слову сказать, ситуация, хорошо известная и современным жителям полуострова. Разведение таких, в общем-то, проблемных даже для Южного берега Крыма культур, как фиговые, гранатовые, оливковые деревья также не вызывало былого энтузиазма и уверенности. Паллас отмечал, что гранатовые и оливковые деревья дают мелкие малосочные плоды, фиговые во время двух подряд холодных зим вообще вымерзли до корня [15, с. 185].

Характеризуя состояние фабрик и мануфактур, Паллас писал, что «несмотря на то, что русские уже 15 лет господствуют» в Крыму, здесь так и не появилось необходимых ремесленников, а тем более рабочих для этих производств [15, с. 204]. Сомневался он теперь и в торговых перспективах, поскольку полуостров «по своей ограниченной промышленности и отдалению от внутренних хлебородных областей России, небольшой населенности, недостаточным урожаям и по своему положению не может рассчитывать на большую ввозную и вывозную торговлю». И как бы ни было привлекательно географическое положение Крыма, но из-за его отдаленности, неудобства прибрежного плавания и отсутствия хороших дорог для санного сообщения зимой, он не мог соперничать с гаванями Таганрога, Херсона, Одессы, куда доставлять товар для вывоза было несравнимо проще и выгоднее [15, с. 206].

³ Обратил внимание на романтические аллюзии крымского описания Палласа и внимательный исследователь его «ботанического» наследия А. К. Сытин [см.: 20, с. 251-253].

Как нетрудно заметить, новые оценки крымских реалий довольно сильно отличались от легковесных восхвалений предыдущих лет, когда Паллас писал: «Область столь благополучно расположена ко всем тем заведениям, каковым прочим странам Российской империи еще не доставало», земли эти «доведены быть могут до той степени совершенства, что со временем составит она наивысшую драгоценность Российской державы» [14, с. 1].

Вот как отзывался о подобных описаниях и характеристиках современник событий Дмитрий Борисович Мертваго, таврический губернатор в начале XIX в., человек здравомыслящий и хорошо разбирающийся в крымской специфике: «История Крыма в отдельных временах довольно известна всем, кто читать умеет. Надобно только приметить, что древние писатели говорили о нем слегка; а новейшие бумагомаратели, вытаскивая из пыли доскутья Страбона и прочих и раздувая каждое слово, увеличивая хорошее, умалчивая худое, затмили истину» [12, с. 124]. Причина же такого превознесения крымских достопримечательностей и возможностей, по мнению Мертваго, являлась неуемная жажда славы Потемкиным, ради которой он старался при всякой возможности усилить значимость и ценность приобретения Крыма, для чего и поощрял путешественников и писателей к позитивным описаниям полуострова. «Всякого звания, всякой нации люди, осматривая его красоты в самое лучшее время года, описывали нагорные места, где, проезжая верхом по десяти верст в день, не упоминали о тех степях, чрез кои двести верст в сутки проскакивали» [там же]. Как видно, в такой описательной традиции первоначально действовал и Паллас.

Схожие мысли высказывал князь Дмитрий Петрович Горчаков, занимавший в течение трех лет должность таврического губернского прокурора (1808-1810 гг.). В частности, характеризуя Южный берег, отмечал: «...если приморская сия полоса столько восхищающая любопытных странников, представляет довольно предметов для изображения на эстапах, или поводов к сочинению романтических описаний, то не имеет она однако же удобностей для обширных видов, достойных привлечь внимания правительства...» [РГИА. Ф. 1251. Оп. 2. Д. 8, л. 4; Ф. 994. Оп. 2. Д. 473, л. 3]. Горчаков достаточно скромно оценивал экономические возможности Крыма и подробно описал существующие проблемы в записке «О распространении просвещения среди крымских татар». В конце своих рассуждений князь специально оговаривался, что представив Крым «в простом и подлинном его виде», «совлеченный нарядом его украшавших и личин его обезобразивших...», он «не искал романтическими описаниями оболбить воображение для приобретения имени замысловатого писателя..., не старался пышными доводами заманить правительство к какому-либо новому заведению в надежде быть при нем употребленным» [РГИА. Ф. 1251. Оп. 2. Д. 8, л. 9-9 об.; Ф. 994. Оп. 2. Д. 473, л. 8 об.], очевидно, намекая на авторов проектов и описаний Крыма прошлых лет.

Не переоценивая значимости появившихся в конце XVIII в. произведений о Крыме, следует признать, что неизменно возникавшая в них привлекательная картина крымской действительности в сочетании с поощрительной политикой государства по заселению пустующих земель на полуострове становилась весьма заманчивой иллюзией для желающих отправиться туда переселенцев. Например, многие российские помещики ради крымской авантюры продавали свои имения во внутренних российских регионах и в своих крымских владениях становились заложниками обстоятельств, не имея средств и возможности бороться с неожиданными хозяйственными препятствиями, требовавшими значительных вложений, к которым затем присоединились имущественные споры со стороны крымских татар и корруп-

ция местных чиновников [10, с. 48-49, 52-54, 61-62, 66; 9, с. 383]. Рекламная компания действовала по всем направлениям: правительственные преференции переселенцам, восторженные описания путешественников, прославление присоединения Крыма и его значения и наследия в художественных произведениях, позитивные не критические научные описания и, в конечном итоге, дала результаты. Крымский миф экономического рая и выгод был быстро сформирован, об объективных проблемах жизнедеятельности в Крыму первоначально никто не писал.

В результате «дефекта описания», когда исследования, инициированные имперской властью, проводились с многочисленными допущениями и неточностями, без объективной оценки рисков развития отдельных отраслей экономики, возникали серьезные искажения в общегосударственном представлении о хозяйственном потенциале Крыма, что приводило к стратегическим ошибкам в его преобразовании. Первоначальные неточности в оценках экономических возможностей полуострова в конечном итоге на десятилетия обусловили глубокую экономическую стагнацию полуострова. И уже в начале XIX в. современники вынуждены были констатировать, что на Крымском полуострове царят «опустошение и ужасные следы беспорядков» [12, с. 128].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боркин Л.Я. Добавления к библиографии Петра Симона Палласа // Историко-биологические исследования. 2011. № 3. С. 130-157.
2. Габлиц К.И. Физическое описание Таврической области, по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб.: Имп. типография у Ивана Вейтбрехта, 1785.
3. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. (Труды архива АН СССР. Вып. 4).
4. Годжи Д. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. М., 2004. С. 212-237.
5. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
6. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1795-й год. (Продолжение) // ИТУАК. 1895. № 22. С. 1-17.
7. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1795-й год. (Продолжение) // ИТУАК. 1896. № 24. С. 1-30.
8. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1796-й год. (Окончание) // ИТУАК. 1897. № 26. С. 1-10.
9. Конкин Д.В. Земельные конфликты в Крыму (конец XVIII — начало XIX вв.): «мнения» и «проекты» // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 375-390.
10. Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. (Окончание) // ИТУАК. 1897. № 26. С. 24-154.
11. Маркевич А.И. Академик П.С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды (к столетию со дня его смерти) // ИТУАК. 1912. № 47. С. 167-242.
12. Мертваго Д.Б. Записки (1760-1824). СПб.: Русская симфония, 2006.
13. Непомнящий А.А. К вопросу о роли П. С. Палласа в развитии исторического краеведения Крыма (библиографический аспект) // Культура народов Причерноморья. 1998. № 5. С. 259-264.
14. Паллас П.С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. СПб.: Императорская типография, 1795.
15. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793-1794 годах. М.: Наука, 1999.
16. Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1909.

17. Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. СЕИВ, 1830.
19. Строев А. «Те, кто поправляет Фортуна». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
20. Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014.
21. Ушатая Р.И. «Слава его не сравнится с заслугами в науке...». К 265-летию со дня рождения Петра Симона Палласа. Библиографический список // Культура народов Причерноморья. 2007. № 98(2). С. 163-168.
22. Bartlett R.P. Human capital: The settlement of foreigners in Russia, 1762-1804. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979.
23. Pallas P.S. Tableau physique et topographique de la Tauride, tire du journal d'un voyage fait en 1794. St. Petersburg: [De l'Imprimerie de l'Academie Imperiale des sciences], 1795. [6], 59 p.
24. Pallas P.S. Tableau physique et topographique de la Tauride. St. Petersburg: J.J. Logan, 1796. [IV], 148 p.
25. Pallas P.S. Physikalisch-topographisches Gemälde von Taurien aus dem Gemälde einer im Jahre 1794 gethanen Reise // Neue Nordische Beiträge. St. Petersburg, 1796. Band VII. S. 377-438.
26. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in der Jahren 1793 und 1794. Bd. 1-2. Leipzig, 1799-1801; 1799. Bd. 1. [XXXII], 516 S.; 1801. Bd. 2. [XXIV], 525 S.
27. Pallas P.S. Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russie, dans les, annees 1793 et 1794. Traduit de l'allemand. Vol. 1-2. Leipzig, 1799-1801; 1799. Vol. 1. [XXXII], 438 p.; 1801. Vol. 2. [XVI], 452 p.

REFERENCES

1. Borkin L.Ia. Dobavleniia k bibliografii Petra Simona Pallasa. *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 2011, No. 3, pp. 130-157.
2. Gablitz K.I. *Fizicheskoe opisanie Tavricheskoi oblasti, po eia mestopolozheniiu i po vsem trem tsarstvam prirody*. St-Petersburg, Imp. tipografiia u Ivana Veitbrekhta, 1785.
3. Gnucheva V.F. (ed.). *Materialy dlia istorii ekspeditsii Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh. Khronologicheskie obzory i opisanie arkhivnykh materialov*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1940. (Trudy arkhiva AN SSSR. Vol. 4).
4. Godzhi D. Kolonizatsiia i tsivilizatsiia: russkaia model' glazami Didro. Karp S.Ia., Mezin S.A. (Eds.), *Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiia Rossii*, Moscow, 2004, pp. 212-237.
5. Druzhinina E.I. *Severnoe Prichernomor'e v 1775-1800 gg.* Moscow, AN SSSR Publ., 1959.
6. Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliiu Tavricheskoi oblasti za 1795-i god. (Prodolzhenie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1895, No. 22, pp. 1-17.
7. Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliiu Tavricheskoi oblasti za 1795-i god. (Prodolzhenie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1896, No. 24, pp. 1-30.
8. Ordera kniazia Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliiu Tavricheskoi oblasti za 1796-i god. (Okonchanie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1897, No. 26, pp. 1-10.
9. Konkin D.V. Zemel'nye konflikty v Krymu (konets XVIII — nachalo XIX vv.): «mneniia» i «proekty». *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2016, Vol. XXI, pp. 375-390.
10. Lashkov F.F. Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladieniia. (Okonchanie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1897, No. 26, pp. 24-154.
11. Markevich A.I. Akademik P. S. Pallas. Ego zhizn', prebyvanie v Krymu i uchenye trudy (k stoletiiu so dnia ego smerti). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1912, No. 47, pp. 167-242.
12. Mertvago D.B. *Zapiski (1760-1824)*. St-Petersburg, Russkaia simfoniia Publ., 2006.
13. Nepomniashchii A.A. K voprosu o roli P. S. Pallasa v razvitiu istoricheskogo kraevedeniia Kryma (bibliograficheskii aspekt). *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, Simferopol, 1998, No. 5, pp. 259-264.

14. Pallas P.S. *Kratkoe fizicheskoe i topograficheskoe opisanie Tavricheskoi oblasti*. St-Petersburg, Imperatorskaia tipografiia, 1795.
15. Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia putesthestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999.
16. Pisarevskii G. *Iz istorii inostrannoii kolonizatsii v Rossii v XVIII v.* Moscow, Pechatnia A. I. Snegirevoi, 1909.
17. Pleve I.R. *Nemetskie kolonii na Volge vo vtoroi polovine XVIII veka*. Moscow, AOO «Mezhdunarodnyi soiuz nemetskoii kul'tury», 2008.
18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e*. St-Petersburg, Tip. SEIV, 1830.
19. Stroev A. «Te, kto popravliaet Fortunu». *Avantiuristy Prosveshcheniia*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998.
20. Sytin A.K. *Botanik Petr Simon Pallas*. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2014.
21. Ushataia R.I. «Slava ego ne sravnitsia s zaslugami v nauke...». K 265-letiiu so dnia rozhdeniia Petra Simona Pallasa. *Bibliograficheskii spisok. Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, Simferopol, 2007, No. 98(2), pp. 163-168.
22. Bartlett R.P. *Human capital: The settlement of foreigners in Russia, 1762-1804*. Cambridge Univ. Press, 1979.
23. Pallas P.S. *Tableau physique et topographique de la Tauride, tire du journal d'un voyage fait en 1794*. St. Petersburg, 1795, [6], 59 p.
24. Pallas P.S. *Tableau physique et topographique de la Tauride*. St. Petersburg, 1796, [IV], 148 p.
25. Pallas P.S. Physikalisch-topographisches Gemälde von Taurien aus dem Gemälde einer im Jahre 1794 gethanen Reise. *Neue Nordische Beiträge*. St. Petersburg, 1796, Bd. VII, pp. 377-438.
26. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in der Jahren 1793 und 1794*. Bd. 1-2. Leipzig, 1799-1801.
27. Pallas P.S. *Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements meridionaux de l'Empire de Russie, dans les, annees 1793 et 1794*. Traduit de l'allemand. Vol. 1-2. Leipzig, 1799-1801.

Конкин Д. В.

Экономические «открытия» академика П. С. Палласа в Крыму:
«дефект описания»

Резюме

Для Российской империи после присоединения Крыма важной задачей являлось исследование территории полуострова для определения экономических и хозяйственных возможностей края. С этой целью российским правительством были предприняты ряд действий по изучению географии, истории, флоры и фауны полуострова. Наиболее известным исследователем, командированным в этот период в Крым, стал академик Петр Симон Паллас. В статье проанализированы крымские описания известного ученого-естествоиспытателя с точки зрения их практического применения и экономической полезности. Первые результаты экспедиции Палласа были опубликованы в 1795 г. Эти общие предварительные описания характеризуются значительной эмоциональностью их автора, восторженные отклики о южнобережных красотах, плодородии местных земель, блестящем экономическом потенциале края не учитывали или же затмевали объективные трудности в практическом использовании природных богатств полуострова. Несколько позднее, в расширенном описании, изданном за рубежом после того, как ученый стал крымским помещиком и на собственном опыте смог испытать практические трудности жизни в Таврической области, его взгляды на экономический потенциал Крыма были серьезно скорректированы. Первоначальный оптимизм сменил практический скептицизм.

Подобного рода исследования, оценки их авторов часто становились решающими при выработке стратегии, определении действий по конкретным прикладным проектам имперской власти, являлись одним из побуждающих мотивов при переселении в Крым российских помещиков. В результате «дефекта описания», когда исследования, инициированные имперской властью проводились с многочисленными допущениями и неточностями, без

объективной оценки рисков развития отдельных отраслей экономики, возникали серьезные искажения в общегосударственном представлении о хозяйственном потенциале Крыма, что приводило к стратегическим ошибкам в его преобразовании.

Ключевые слова: Российская империя, присоединение Крыма, П. С. Паллас, описания, экономика.

Konkin D. V.

**Academician P. S. Pallas' Economic "Discoveries" in the Crimea:
A "Defect in Description"**

Summary

An important task standing in front of the Russian Empire after the joining of the Crimea was the investigation of this peninsula defining the economic perspectives offered by the country. To this end, the Russian government performed a series of actions to study geography, history, flora and fauna of this peninsula. Peter Simon Pallas was the most famous among the scientists sent to the Crimea in the period in question. This paper analyses the descriptions of the Crimea made by this respected naturalist in the view of their practical use and economic utility.

Pallas published the first results of his Crimean expedition in 1795. This preliminary description showed much of the author's emotion, rave reviews of the beauties of the southern Crimean coast, fertility of lands and brilliant economical potential of the country, disregarding or overshadowing objective difficulties in the practical use of natural resources of the peninsula. Later on, after Pallas became a Crimean land-owner and experienced practical aspects of the life in the Taurida region, he changed his view of its economic potential, as appeared in the detailed description of the Crimea published abroad. Thus practical scepticism replaced his initial optimism.

Researches of the kind and their authors' evaluations often became decisive factors for the imperial power in strategy making or determination of actions towards particular applied projects, and were a stimulus for Russian owners who decided to move to the Crimea. "Defects of description" by researches initiated by the imperial authorities which were conducted with numerous assumptions and inaccuracies, lacking objective evaluations of risks in specific branches of economics, made important distortions in the notion of the Crimea's economic potential, which was generally accepted by the state bodies, and therefore resulted in long-term errors in reforms.

Keywords: Russian Empire, joining of the Crimea, Peter Simon Pallas, descriptions, economics.

Д. А. ПРОХОРОВ

**НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ МАНГУПА:
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КАРАИМОВ
В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.¹**

Важным источником для изучения истории прошлого караимов являются записки путешественников, в разное время посетивших Крымский полуостров. Прежде всего, это сочинения Э. Челеби, И. Шильтбергера, М. Броневского, Ж. Ромма, барона Тотта, П. С. Палласа, П. И. Кёппена, П. И. Сумарокова, И. М. Муравьева-Апостола, Э. Кларка, М. Гутри, Р. Лайалла, Ф. Дюбуа-де-Монпере, Р. Хебера [1, с. 100-134; 11; 12; 35, с. 172-181, 1-46; 36; 40, с. 89-180; 42; 53; 64, с. 17-33; 65, с. 263-330; 77; 86, с. 62-208; 87; 88; 97; 99; 102; 103; 105; 107; 114, с. 645-697; 115; 157-170; 116, с. 116-132; 118, с. 97-111; 125; 127; 129; 132; 139; 140]. Заметки о своих визитах в Крым оставили также писатели А. Н. Демидов, А. С. Афанасьев-Чужбинский, В. В. Измайлов и Г. В. Гераков, польская путешественница Поята (псевдоним Елены Скимунт), Ф. Дюбуа де Монпере, Л. Хлебницки-Юзефович, О. Шишкина, С. Элиот, Э. Хендерсон, француженка А. Омер де Гель, немцы Ф. Реми, А. ф. Хакстхаузен, Й. Коль [2; 37-39; 23; 46; 56, с. 191-205; 57, с. 543-548; 78; 84, с. 183-215; 85, с. 73-81; 122; 128; 130; 131; 133, р. 34-46; 135, р. 789-818; 136; 141], а также многие другие.

Что касается научных публикаций, в которых затрагивались различные эпизоды истории крымских караимских общин в конце XVIII — начале XIX вв., необходимо указать на работы В. В. Григорьева [33, с. 11-49], Ф. Ф. Лашкова [68-70], А. Г. Герцена, Ю. М. Могаричева [24-30], О. Б. Белого и Е. Г. Баккала [5-7], М. И. Гаммала [15, с. 265-286], Н. В. Кашовской [48-52], М. Б. Кизилова [54-60; 133-135], А. Галенко [14, с. 39-62], Ф. Миллера [137], Д. Шапира [142, р. 79-98], Г. Ахизер [3, с. 48-53; 4].

В задачи предлагаемой публикации входит обзор литературы и источников о караимской общине Мангупа в конце XVIII — первой половине XIX вв.: от сведений, приведенных в записках путешественников, посетивших Крымский полуостров, до специализированных изданий по указанной теме, включая труды авторов дореволюционного и советского периодов. В статье также представлен анализ современной академической литературы по данному вопросу. Кроме того, были изучены документы, хранящиеся в фондах Государственного казенного учреждения Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (далее — ГАРК; часть из них вводится в научный оборот впервые), в которых нашли отражение факты об исходе караимов с плато Мангупа в 1790-х гг. и об их переселении в другие города Крымского полуострова и других регионов.

Первые достоверные свидетельства о существовании караимских общин на Крымском полуострове следует отнести к середине XIII в. [40, с. 118; 65, с. 266,

¹ Статья выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33. 5763. 2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».